

DOI: 10.17976/jpps/2017.01.09

ПОЛИТИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

М.Е. Попов

ПОПОВ Максим Евгеньевич, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь. Для связи с автором: maximus.popov@gmail.com

Попов М.Е. Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы. – Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 99-115. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.09>

Статья подготовлена в рамках проекта “Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе”, Грант Президента МД-7429.2015.6.

Статья поступила в редакцию: 17.06.2016. Принята к печати: 16.10.2016

Аннотация. В статье рассматриваются основные теоретические подходы к анализу политики социокультурной интеграции; изучается теоретическая традиция исследования проблем интеграции, связанная с концептуальным противоборством теорий конфликта, гражданства, мультикультурализма, неофункционализма, нормативных концепций политической интеграции. Противоречие заключается в трактовке интеграции как способа деэскалации этнорегиональных конфликтов в плюралистических обществах, при этом конфликтологи опираются на анализ конфликтогенной природы этничности; мультикультуралисты исходят из нормативности культурного плюрализма и этнической идентичности; представители неофункционалистской парадигмы, теории гражданства и нормативных концепций политической интеграции интерпретируют статус этнических групп с позиций политического участия, равенства возможностей и институциональной императивности интеграции. В статье акцентируется внимание на анализе нормативно-социетального потенциала политики интеграции в процессе урегулирования конфликтов идентичностей в полиэтничном регионе. Автор рассматривает факторы региональных конфликтов и подчеркивает дестабилизирующую роль реполитизации этничности как следствия нарастающего противоречия между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией. Предпринимается попытка концептуализации политики интеграции в качестве основания ценностной консолидации и инструмента конструктивного разрешения конфликтов идентичностей. По мнению автора, политика социокультурной интеграции должна выступать в качестве инструмента конфликтного предупреждения – проактивного, упреждающего воздействия посредством структурных трансформаций и рационализации этнических противоречий.

Ключевые слова: социокультурная интеграция; политика интеграции; региональный конфликт; этнический конфликт; конфликт идентичностей; теория конфликта; гражданство; мультикультурализм; неофункционализм; политическая интеграция.

ВВЕДЕНИЕ

В сложносоставных обществах обострение культурных конфликтов, к числу которых относятся трудноразрешимые конфликты идентичностей, обусловливает необходимость интеграционной политики, исключая ассимиляционные и изоляционистские стратегии, уменьшающей вероятность этнорелигиозного насилия и обеспечивающей высокий уровень гражданской солидарности. Драматические события последних лет продемонстрировали, что культурные конфликты и конфликты идентичностей выходят за рамки

внутригосударственных и региональных. Миротворческий контроль становится атрибутом глобальной безопасности: регионы этнической и конфессиональной нестабильности ассоциируются с потенциальными субъектами международного терроризма, что увеличивает стремление к поиску конструктивных способов разрешения культурных и политических противоречий. “Образом культурно разделенного и, следовательно, не до конца интегрированного мира, — отмечает Ю. Хабермас, — затеняется тот факт, что интерпретативные конфликты на уровне политики культурной идентичности не могут быть отделены от политических и военных противоречий. Изначально неприязненное столкновение цивилизаций слишком часто представляет собой просто слабую ретушь на социальном дарвинизме, который движим интересами и преобладает в глобальной политике как следствие неравного глобального распределения богатства и власти. Тем не менее мы наблюдаем системную контртенденцию, хотя и слабую. По мере того как возрастает системная взаимозависимость, а расширяющиеся функциональные системы порождают неконтролируемые внешние восприятия, на глобальном уровне возникла необходимость в интеграции, ответом на которую, в лучшем случае неполным и асимметричным, является в текущий момент возрастающая густая сеть международных организаций и режимов” [Хабермас 2010: 12-13].

Быстро расширяющиеся в процессе глобализации границы социальных, экономических и культурных связей улучшают жизненные шансы одних групп и оказываются разрушительными для других. Современные модели региональной интеграции в глобальную политику имеют противоречивый характер: в ситуации структурной демодернизации и неотрадиционализации региональных сообществ нелиберальные интеграционные модели могут увеличивать социальную нестабильность, создавая условия для эскалации этноконфессиональной и политической напряженности и ее перерастания в конфликты идентичностей. По словам И.С. Семененко, “многомерный конфликт идентичностей между автохтонными и инокультурными группами, между национальными сообществами в составе современных политических наций, между Центром и регионами, между носителями разных групповых идентификаций и культурных норм — оказывается сегодня препятствием на пути консолидации гражданской нации” [Семененко 2013: 114].

Реализация политики социокультурной интеграции на региональном уровне направлена на обеспечение ценностно-политической консолидации мультиэтнических и мультикультурных сообществ. Социальная стабильность и модернизационная активность российских регионов напрямую зависят от масштабов интеграционной политики. Северный Кавказ как один из наиболее нестабильных российских регионов входит в число главных объектов интеграционных процессов. “Объективные факторы определяют перманентную турбулентность регионального среза российской политики и принципиальную невозможность ‘раз и навсегда’ решить проблему обеспечения территориальной консолидации — поддержание последней требует постоянных концептуальных усилий, — отмечает О.В. Гаман-Голутвина. — Исключительные масштабы страны и чрезвычайное разнообразие ее субъектов предопределяют то, что территориальная и политическая консолидация и управление таким сверхсложным объектом предстают серьезным вызовом для субъекта управления” [Гаман-Голутвина 2013: 60]. В связи с этим исследование антиконфликтного, нормативно-социетального, ценностного потенциала политики

интеграции и анализ механизмов адаптации этнорегиональных сообществ к условиям системной модернизации являются наиболее актуальными в долгосрочной стратегии национальной политики.

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Проблема теоретического исследования политики интеграции связана с анализом и концептуализацией ценностно-инклюзивной модели интеграции как важнейшего инструмента конструктивного разрешения культурных конфликтов в этнорегиональном измерении.

По мнению Р. Запаты-Барреро и Р. Гропас, политика интеграции предполагает императивное участие граждан в политической жизни, которое занимает центральное место в демократическом управлении по следующим причинам: во-первых, участие в политической жизни предлагает людям возможность влиять на результаты процессов принятия решений (они могут защищать свои интересы или интересы культурных групп, к которым они принадлежат); во-вторых, политическое участие имеет системную функцию “политической социализации” с точки зрения усиления чувства гражданской принадлежности и формирования общей идентичности. Оба этих аспекта имеют решающее значение для урегулирования региональных конфликтов, социокультурной сплоченности и динамичного развития демократических государств, характеризующихся культурным и этническим разнообразием [Zapata-Barbero, Gropas 2012: 167-191].

Специфика региональных конфликтов заключается в том, что они протекают на фоне столкновения конкурирующих коллективных ценностей и культурных идентичностей. Понятие “ценностного столкновения” уточняет концепт культурного конфликта как конфликта идентичностей, подчеркивая системно-генетический характер данной объяснительной модели. Как отмечают Дж. Эстебан, Л. Мейорал, Д. Рей, “внутригосударственные конфликты приобретают выраженный этнический характер. Более половины гражданских конфликтов после Второй мировой войны классифицированы как этнические или религиозные. Одним из оснований классификации регионального этнического конфликта является его идентификация в качестве антигосударственного мятежа, осуществляемого от имени этнической группы. Р. Брубейкер и Д. Лейтин, рассматривая историю внутригосударственных конфликтов второй половины XX в., пришли к выводу об исчезновении биполярной идеологической оси на фоне масштабной этнизации насильственных столкновений” [Esteban, Mayoral, Ray 2012: 70].

Впервые термин “конфликты идентичностей” появляется в работах Дж. Бертона и Дж. Ротмана в 1990-е годы. Дж. Бертон рассматривает культурную идентичность как одну из базовых потребностей человека, при этом угроза идентичности воспринимается группой как одна из основных угроз безопасности. В качестве ключевых Дж. Бертон выделяет две потребности: потребность в идентичности и потребность в безопасности. По мнению Дж. Ротмана, важнейшими атрибутами конфликтов идентичностей являются их иррациональность, субъективность и неуправляемость [Rothman 1997].

Анализируя статус этничности в динамике региональных конфликтов, необходимо указать на связь групповых идентичностей с примордиальными ценностями традиционных обществ, в которых гражданское самосознание и индивидуализм не играют заметной роли. По мнению Дж. Ротмана и М. Альберстейн, когда в процессе медиации конфликтологи имеют дело

с этногрупповым столкновением, “обращение к индивидуальным интересам не в состоянии загладить трещину, возникшую в результате конфликта; попытки манипулировать группами могут привести к интенсификации конфликта идентичностей” [Rothman, Alberstein 2013: 657].

Региональные конфликты идентичностей — следствие реактуализации и радикализации политизированной этничности. Социокультурная интеграция снижает этническую напряженность, что связано с высоким уровнем гражданской солидарности, ослаблением этнополитической мобилизации и редукцией негативной стереотипизации “других” в качестве “этнических врагов”. Социальная нестабильность усиливает изоляционистские тенденции и регионализацию Северного Кавказа, порождает политическую пассивность, а носителей радикальных идеологий толкает к экстремизму. Деградация социетальных ценностей и снижение уровня гражданской идентификации в полиэтническом регионе становятся факторами политической дезинтеграции. “Политическая пассивность подавляющего большинства россиян, — отмечает С.П. Перегудов, — обуславливающая ‘неопределенность’, несформированность их общегосударственной идентичности, порождена не просто ‘стечением обстоятельств’ и патерналистскими традициями, но в значительной мере есть результат попыток, и весьма небезуспешных, лишить организации гражданского общества самостоятельности и придать несвойственную им роль одной из послушных опор власти. Вместе с тем, при всем далеко не второстепенном значении указанных ограничений главный тормозящий момент развития гражданского общества и общегражданской идентичности обусловлен все же более общими факторами, связанными с функционированием существующей политической системы... Органическая связь, существующая между национально-государственной идентичностью и степенью консолидации государства, стала настолько очевидной, что вопрос о нормализации создавшейся здесь ситуации превратился в вопрос первостепенной государственной важности” [Перегудов 2011: 141-163].

МЕТОДОЛОГИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Теоретическая традиция исследования политики социокультурной интеграции связана с концептуальным противоборством теорий этнического конфликта и конфликта идентичностей, гражданства, мультикультурализма, неофункционализма, нормативных концепций политической интеграции. Противоречие заключается в трактовке интеграции как способа деэскалации этнорегиональных конфликтов в плюралистических обществах, при этом конфликтологи опираются на анализ конфликтотенной природы этничности; мультикультуралисты и теоретики миграции исходят из нормативности культурного плюрализма и этнической идентификации; представители неофункционалистской парадигмы, теории гражданства и нормативных концепций интеграции интерпретируют статус этнических групп с позиций политического участия, равенства возможностей и институциональной императивности социокультурной интеграции. Как отмечают Дж. Фирон и Д. Лейтин, полноценная теория этнического конфликта должна объяснить, почему, несмотря на серьезные напряженности, этнические отношения, основанные на мире и интеграции, являются более типичным явлением, чем крупномасштабное насилие [Fearon, Laitin 1996].

Политическое участие этнических и культурных групп принадлежит к одному из четырех базовых измерений политики интеграции, наряду с тремя другими: 1) правами, предоставленными для мигрантов со стороны принима-

ющего сообщества; 2) персональной и групповой идентификацией с принимающим сообществом; 3) социальной инклюзией, принятием демократических норм и гражданских ценностей как необходимым условием интеграции [Martiniello 2005; Levitt, Jaworsky 2007].

Противоречивое сочетание интеграционных и дезинтеграционных тенденций регионального развития знаменует начало XXI в. Взятые вместе, они создают фундамент для системной солидарности и новой интеграционной политики. Определение социокультурной интеграции в категориях системной интеграции связано с работами Д. Локвуда, обратившего внимание на необходимость теоретического синтеза альтернативных парадигм — нормативных теорий неофункционализма 1950-х годов и теории конфликта Л. Козера, Р. Дарендорфа, Дж. Рекса [Lockwood 1956]. По мнению Дж. Рекса, проблемы урегулирования этнических конфликтов и политической интеграции культурных меньшинств генерируют государственные ответы в виде идеологии и практики мультикультурализма. В современном мире существуют неоконсервативные и неолиберальные варианты ответов на “демографическое присутствие” меньшинств:

1. Полное исключение культурных меньшинств из социальной и политической сферы, отказ от предоставления гражданства и возвращение меньшинств в страны происхождения.

2. Непризнание культурной инаковости и обособленности меньшинств при условии предоставления гражданства в процессе натурализации.

3. Поддержка трудовых мигрантов и их детей в качестве временных жителей, не имеющих права на получение гражданства.

4. Продвижение различных форм политики мультикультурализма: а) признание культурных меньшинств на государственном уровне как части институциональной структуры; б) создание новой “гибридной культуры” с автономией для меньшинств на основе приоритета индивидуальных прав, при этом ни одна этническая группа не является привилегированной по отношению к другой [Rex 1995].

Социокультурная интеграция соотносится с базовыми принципами кросс-культурного взаимодействия, благодаря которому субъекты связаны друг с другом в общем идентификационном и ценностном пространстве; понятие системной интеграции характеризует функциональные отношения между структурными и институциональными элементами социокультурной системы. Однако само использование понятия “интеграция” не означает, что описываемые социокультурные отношения и взаимодействия имплицитно гармоничны. Условия системной интеграции могут заключать в себе как социальный порядок, так и групповой конфликт. По словам Э. де Фреде, “тот факт, что общество стало плюралистичным (мультикультурным), был возведен до идеала, при котором группы различного культурного происхождения проживают совместно в мире и гармонии. Образовались два типа мультикультурализма: фактический и политический (идеологический). Политический мультикультурализм превозносит наличие в нашем обществе различных культур и трактует его как ‘обогащение’. Однако никто не внял предупреждению Шекспира: ‘Чрезмерная близость порождает презрение’. Подобная ‘угроза презрением’ была еще серьезнее из-за заострения различий в сочетании с пренебрежением общностью вовлеченных культур. В истинно плюралистическом обществе политический курс был бы направлен на интеграцию с признанием прав на собственную групповую идентичность и предоставлением равного доступа к ресурсам общества” [Фреде 2012: 93-94].

В макросоциологической теории основным источником интеграции / дезинтеграции развитых капиталистических обществ является классовая система. В соответствии с веберовскими представлениями о социальной стратификации, развитие статусных систем с большой вероятностью приведет к политической солидарности и гармоничным формам интеграции, в то время как классовые общества генерируют конфликтные формы дезинтеграции. Современная теория трансформаций пытается рассматривать социокультурную интеграцию через призму системной: Д. Локвуд отмечает, что теоретики конфликта подчеркивают политический конфликт в качестве основного двигателя социальных изменений, в то время как нормативные функционалисты принижают роль политических акторов и стремятся подчеркнуть (функциональные или дисфункциональные) отношения между социальными институтами. Для Д. Локвуда задача интеграционной теории состоит в том, чтобы преодолеть этот теоретический дуализм [Lockwood 1956].

Ключевой вопрос современных интеграционных теорий касается взаимосвязи между политическим участием мигрантов и политической консолидацией. Социокультурная интеграция мигрантов имеет отношение, во-первых, к групповой идентификации с политической системой; во-вторых, к их активному участию в политической жизни путем голосования или участия в публичной сфере; в-третьих, к осознанию того, что они услышаны властями. В этом контексте следует отметить, что эффективность интеграции и участия в политическом процессе зависят от страны происхождения и принимающей страны, личностных качеств мигрантов, изменений в структуре политических возможностей, возникающих в принимающем сообществе [Zapata-Barrero, Gropas 2012: 167-191]. По словам С.В. Рязанцева, “в России интеграция стала частью миграционной политики с 2012 года, когда была принята Концепция государственной миграционной политики России до 2025 года. В ней прописано: ‘важными элементами государственной миграционной политики... является создание условий для адаптации и интеграции мигрантов’, хотя еще несколько лет назад понятие ‘интеграция’ отсутствовало в ‘лексиконе’ российской миграционной политики... В настоящее время в России, как обеспеченной ресурсами стране, созрели все предпосылки для того, чтобы в области миграционной политики ставить более амбициозные задачи, не фокусируясь только на трудовой миграции, депортации недокументированных мигрантов и пресечении незаконной иммиграции. Пора заниматься формированием миграционных потоков и интеграцией необходимых стране категорий мигрантов” [Рязанцев 2014: 30].

Теория интеграции стремится к сочетанию концептов индивидуальной свободы и групповой лояльности как контрнарративов насильственной ассимиляции, что можно рассматривать в качестве движения к плюрализму и уважению к культурным различиям на индивидуальном и коллективном уровнях. В этнонациональной сфере социокультурная интеграция формирует рационально-коммуникативные механизмы гражданской консолидации на основе принципов равенства и справедливости. Социальная справедливость, создание “общества для всех”, является всеобъемлющей целью интеграции. Справедливость относится к социетальным принципам и ценностям, которые позволяют социальным субъектам получать справедливую долю выгоды за справедливую долю ответственности в рамках совместной жизни в обществе. Концепции социальной справедливости определяют гражданское общество как наиболее желательное и достижимое при условии, если права и обязанности

распределяются в соответствии с согласованными принципами равенства; это интегрированное общество, в котором социальные субъекты могут принимать участие в социальной, экономической и политической жизни на основе равенства прав и возможностей, справедливости и достоинства [Kymlicka 2007].

Концепт социокультурной интеграции относится к фундаментальным “конструктивистским” категориям, которые в настоящее время широко используется в современной политике для описания концепции, цель которой заключается в масштабном содействии развития социокультурной системы, в котором стабильность, безопасность, терпимость, уважение к многообразию, равенство возможностей, социальная инклюзия являются необходимыми и атрибутивными принципами. Социокультурная интеграция определяется как процесс формирования стабильного, безопасного, справедливого общества на основе принципов социальной инклюзии и защиты прав человека, борьбы с дискриминацией, толерантности, социального равенства, сплоченности и солидарности [Chapman 2002].

В рамках данной концепции эффективным результатом политики социокультурной интеграции будут граждане, участвующие в принятии политических решений и чувствующие включенность в культурную жизнь общества. Аналогичным образом легитимность политических институтов и структур современного демократического общества обусловлена высокой степенью сплоченности и политического, социального, культурного участия отдельных личностей и групп в полноценной жизни общества. По мнению канадских теоретиков интеграционной политики Дж. Дженсон и П. Бернарда, социальная сплоченность как нормативно-ценностный результат социокультурной интеграции базируется на осознанной и добровольной готовности людей сотрудничать и работать вместе на всех уровнях общества для достижения общих целей [Bernard 1999; Jenson 1998].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Необходимость стимулирования и продвижения политики интеграции в мультиэтническом региональном сообществе обусловлена нормативными и инструментальными причинами: с этической точки зрения, создание интегрированного “общества для всех” является самоочевидной социетальной целью; структурные факторы политики интеграции связаны с необходимостью уменьшения культурных и социальных различий, ведущих к политической фрагментации и оказывающих негативное воздействие на модернизационные процессы и усилия по предотвращению региональных конфликтов. По словам В.С. Мартьянова, “выработка общих ценностей и правил требует институционального согласования антагонистических интересов и механизмов подчинения несогласных. Последнее с массовым ростом автономии индивидов все чаще переосмысливается как тоталитарная тенденция. Постмодернистская критика тотализирующего характера универсальности современных политических учений приводит к попыткам обосновать альтернативные принципы общественной морали, связанные с фоновыми процессами роста рефлексивной социальности, индивидуальной автономии и проистекающей из них индивидуализации нравственности” [Мартьянов 2014: 84].

По мнению Ж. Тилье и Б. Слийпера, существуют две фундаментальные нормативные концепции политической философии, лежащие в основе теории политической интеграции: “демократия” и “государственность (*nationhood*)”. В рамках “концепции демократии” центральная проблема политики интегра-

ции связана с обсуждением социального и гражданского неравенства: культурные и этнические меньшинства мигрантов здесь определяются как иностранцы, которые должны стать гражданами с сохранением уникальной культурной идентичности. В рамках “концепции государственности” вопрос о политической и социокультурной интеграции решается с точки зрения конструирования гражданской идентичности мигрантов, которые в конечном итоге должны стать соотечественниками, членами политического сообщества [Tillie, Slijper 2006].

Эти базовые измерения политики социокультурной интеграции могут быть разделены на “минималистские” и “максималистские” концепции демократии и государственности. В минималистской концепции демократии главным результатом эффективной политики интеграции является наличие равных гражданских, социальных и политических прав. Данная концепция связана с политической философией классического либерализма: с идеей о том, что роль государства в реализации социального равенства ограничивается реализацией равенства возможностей. Максималистская концепция демократии относится к политическому дискурсу “новых левых” и теории социального либерализма, согласно которой равенство возможностей является слишком ограниченным: “реальное” равенство для культурных и этнических меньшинств означает, что их ценности, интересы и идентичности в равной степени учитываются на политической арене.

Разница между минималистской и максималистской концепциями государственности основывается на различных концепциях нации. В минималистской концепции государственности нация воспринимается как “моральное сообщество”; главным результатом эффективной политики интеграции является “минимизация культурных различий” между большинством и группами этнических меньшинств, которые должны принять процедуры и нормы конституционной демократии, базовые политические и гражданские ценности, специфичные для конкретного политического сообщества и включающие в себя ценности “всеобъемлющей социетальной культуры”. Эта концепция связана с политической философией коммунитаризма. В максималистской концепции государственности нация трактуется в перспективе республиканизма, где нивелируются культурные различия и этнические идентичности на основе приоритета “политической лояльности”. Данная концепция связана с политической философией “неореспубликанизма” [Vermeulen, Slijper 2002].

Как отмечают Ж. Тилье и Б. Слийпер, эти теоретические различия приводят к четырем концепциям политики социокультурной интеграции: 1) социальной инклюзии; 2) политического участия; 3) аккультурации; 4) ассимиляции. Хотя на нормативном уровне существуют “напряженные отношения” между этими четырьмя концепциями, Ж. Тилье и Б. Слийпер подчеркивают, что “эмпирически они не являются взаимоисключающими”: например, “формальная интеграция” не является оппозицией “интеграции широкого участия” (*participatory integration*), а скорее ее необходимым условием [Tillie, Slijper 2006: 39].

Политика социокультурной интеграции имеет нормативной целью социальную сплоченность и инклюзию, подразумевая равные возможности и права для всех социальных субъектов: в результате реализации этой задачи социальная система становится более интегрированной, что предполагает равенство и улучшение жизненных стратегий. Гражданская идентичность, социальный и культурный капитал, которые лежат в основе социальной сплоченности, являются компонентами социокультурной интеграции, равно как и демократические институты и плюралистические ценности, на которых зиждется

современное общество. Критики интеграции обращают внимание на ее потенциальные негативные последствия, вызывающие в воображении репрессивный образ ассимиляционной политики и навязанного культурного единообразия. Проблемы интеграции относятся к классу задач политики, которые британский исследователь Дж. Чепмен описал как “политику беспорядка”, характеризующуюся отсутствием четкого и ясного соглашения о способах решения проблем культурной консолидации, неопределенности и двусмысленности относительно того, какими методами социокультурная интеграция может быть эффективно реализована без ограничения во времени и ресурсах [Chapman 2002: 27].

В современном политическом дискурсе проблемы интеграции могут быть обобщены следующим образом:

1) социокультурная интеграция имеет морально-ценностный императив и системную задачу, заключающиеся в социальном прогрессе в направлении к более справедливому и равноправному обществу;

2) в процессе социокультурной интеграции конфликтогенные факторы социальных неравенств и экономической поляризации могут быть смягчены за счет социального включения личностей и групп, ранее исключенных из определенных видов деятельности;

3) стремлении к инклюзии, универсализму, единообразию политика интеграции может нивелировать ценности мультикультурализма и принципы культурного разнообразия;

4) максимальная концентрация на нормативной цели социокультурной интеграции может препятствовать политическим трансформациям.

В рамках концепций культурного гражданства и гражданской культуры интеграция не является гомогенной и представляет собой “инвентаризацию возможностей” и “инструментарий для регулирования повседневности”: политика интеграция становится инструментом культурной либерализации, способом поощрения гражданского единства и культурного разнообразия в плюралистическом обществе таким образом, чтобы не концентрировать персональное и групповое самосознание на собственной “инаковости”, но позиционировать “другого” в качестве полноценного носителя гражданской идентичности, “политически мотивированного и социально включенного”, вносящего индивидуальный вклад в культурную и политическую жизнь общества [Stone et al. 2008: 106]. “От демократического гражданина ожидают, — пишут Г. Алмонд и С. Верба, — что он будет вовлечен в политическую жизнь и активно проявит себя в ней. Кроме того, предполагается, что в своем подходе к политике и политической жизни он должен быть рациональным и что он станет руководствоваться разумом, а не эмоциями. Предполагается также, что демократический гражданин должен быть хорошо информированным и принимать решения, — например, свое решение о том, каким образом голосовать, — на основании осмотрительного и расчетливого обдумывания ситуации с учетом тех интересов и принципов, которые ему хотелось бы продвигать. Такую культуру, с ее акцентом на рациональное участие в рамках политических структур на ‘входе’, мы можем обозначить как ‘рационально-активистскую’ модель политической культуры. У гражданской культуры много общего с указанной рационально-активистской моделью; фактически она и есть именно такая культура плюс что-то еще” [Алмонд, Верба 2014: 51].

В исследовании Р. Пэриса, посвященном политическому анализу последствий миротворческих миссий, развернутых в период с 1989 по 1998 гг., отмечается, что миротворцы в 1990-е годы недооценивали дестабилизирующее воздействие про-

цессов демократизации и либерализации в постконфликтных странах, недавно завершивших этнорелигиозные и гражданские войны [Paris 2004: 6]. Несмотря на поддержку трансформации кризисных и нестабильных государств в либеральные рыночные демократии Р. Пэрис предлагает новую модель интеграции “институционализация до либерализации” на основе следующих двух принципов:

1) задержка в масштабном внедрении демократических и рыночных реформ до тех пор, пока не будет создана рудиментарная сеть национальных институтов, способных эффективно управлять процессами либерализации;

2) рационализация процессов либерализации в сочетании с внедрением демократических ценностей, конструированием гражданских идентичностей, строительством социальных институтов и правительственных учреждений, управляющих политическими и экономическими реформами [ibid.: 8].

У. Кимлика предполагает, что ускоренное и революционное введение неолиберальной политики и интеграционной модели мультикультурализма (“интеркультурализма”, “политики разнообразия”) в недемократическом обществе может нести конфликтогенные риски и угрозы дестабилизации. Он отмечает, что либеральный мультикультурализм легче принять там, где либеральная демократия уже хорошо известна и где верховенство закона и права человека защищены. В странах, где базовые ценности и принципы либеральной демократии еще не интегрированы в социальную систему и коллективную идентификацию, становится необходимостью медленный поэтапный процесс демократизации до полного осуществления интеграционной модели либерального мультикультурализма. Несмотря на то, что интеграционная политика мультикультурализма несет политическую свободу, социальное равенство и демократию, У. Кимлика призывает политиков и ученых оценить социокультурный контекст интеграции – права меньшинств, ценности и самосознание этнических групп [Kymlicka 2007: 19].

Л. Моралес и М. Морариу указывают, что структуры не только политических, но и дискурсивных возможностей в принимающих странах являются решающим фактором эффективной политики интеграции: это “региональная политика в отношении ассоциаций мигрантов; открытость органов государственной власти и формальных институтов; конфигурация местной власти; преобладающий миграционный дискурс” [Morales, Morariu 2011: 140-171].

По мнению Ж. Тилье и М. Феннемы, доступ к натурализации дает возможность голосовать и выставлять свою кандидатуру на выборах: гражданство неоднократно определялось в качестве фундаментального показателя социокультурной интеграции в демократических обществах. “После натурализации граждане могут расширить свою политическую включенность путем голосования, посредством которого группы мигрантов становятся политическим сообществом и, тем самым, могут изменить политическую систему с избранными представителями” [Fennema, Tillie 1999: 703-726].

В основе исследовательской дискуссии по проблемам современной интеграционной политики лежит вопрос о характере отношений между уровнем участия мигрантов в политической жизни как принимающих сообществ, так и своей родины. По мнению С. Хантингтона, поддержание мигрантами связей со странами происхождения и партикулярными идентичностями этнических анклавов препятствует полной ассимиляции и политической интеграции в “мейнстрим-сообщество” [Хантингтон 2004]. Э. Моравска ставит под сомнение идею о том, что транснациональные практики и интеграция являются противоположными и взаимоисключающими процессами [Morawska 2003].

По мнению П. Кивисто и Т. Фейста, политика социокультурной интеграции характеризуется зависимостью между ассимиляцией и транснационализмом [Kivisto, Faist 2010]. А. Портес и Р. Румбаут отмечают, что транснационализм представляет собой альтернативный ресурс содействия интеграции и социальной мобильности в принимающих сообществах, так как транснациональные практики создают навыки, которые мигранты могут использовать в странах назначения [Portes, Rumbaut 2006]. П. Левитт говорит о ложной дихотомии между ассимиляцией и транснационализмом в современной интеграционной политике и считает, что “транснациональные практики способствуют деэскалации этнической напряженности и усиливают социокультурную интеграцию, так как они генерируют профессиональные навыки, которые могут быть полезны для политического участия мигрантов” [Levitt, Jaworsky 2007: 129-156].

Социокультурная интеграция как политическая проблема управления конфликтами идентичностей в трансформирующихся сообществах требует не только особой чувствительности к культурному контексту и этничности, но и предполагает высокую степень рационализации и уверенности в необходимости вмешательства в этническую сферу для ее преобразования и постконфликтной трансформации. Мотивы участия этнических групп в конфликтах идентичностей будут во многом влиять на перспективы их исхода; ради удовлетворения своих повседневных материальных интересов люди вряд ли станут сознательно рисковать жизнью. В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности, а не неизбежного риска: готовность нести жертвы ради идентификационных и ценностных идеалов эмоционально переживается, осознается и вербализируется участниками конфликтов. Эскалация этнической напряженности происходит в том случае, когда этнокультурная группа склонна воспринимать себя как “жертву” ценностных притязаний со стороны “других” групп. “Если мы хотим добиться успеха в исследовании причин конфликтов идентичностей, — отмечает Дж. Ротман, — мы должны начать с определения, которое приведет к ценному теоретизированию и конструктивным методам разрешения. Мы рассматриваем идентичность как самовосприятие, наполненное культурной формулой. Культурная формула основывается на внутренних потребностях и предпочтениях, групповых характеристиках и коллективных ценностях” [Rothman, Alberstein 2013: 650].

В таких конфликтах идентичность может быть персональной, групповой или межгрупповой, но она всегда является источником восприятия противоречия и катализатором конфликта. Стороны могут воспринимать себя в качестве “персональных максимайзеров” (Дж. Ротман), защищая индивидуальные ценности, преследуя собственные интересы и выражая индивидуалистические потребности; они могут быть социокультурными группами и ощущать себя частью коллективного целого; они могут ощущать себя носителями множественных идентичностей и вступать в конфликт на межгрупповом уровне, но все эти восприятия генерируются “культурной формулой”, идентичностью. Культурная идентичность становится “идеологической базой” участников конфликта, наполненной персональными, групповыми и межгрупповыми эмоциями, ценностями и смыслами.

Региональный конфликт идентичностей имеет собственные уникальные характеристики, и в разных контекстах некоторые из этих элементов будут более заметны, чем другие, но все они являются общими знаменателями генезиса такого конфликта. Примордиалистский подход помогает объяснить конфликтогенную природу этнической идентичности; концепция политических антрепренеров

объясняет, как взаимодействуют институциональные факторы и этнические стереотипы. Этничность воплощает в себе элемент мощной эмоциональной напряженности, которая может быть реполитизирована и реактивирована, если группами осознается угроза культурной идентичности, ценностям и безопасности, что приводит к этнификации, эскалации этнической интолерантности и в конечном итоге — насильственному этническому конфликту [Blagojevic 2009; Horowitz 1985].

Конфликты идентичностей опасны тем, что в их генезисе и динамике социальная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована; воздействие установок на экстремизм и насилие состоит в том, чтобы сконцентрировать агрессивный потенциал в точке этнической интолерантности и конфессиональной непримиримости. Интенсивность насилия в конфликтах идентичностей детерминирована интенсивностью этнической напряженности и социальной неудовлетворенности, а также масштабами институциональной поддержки и мобилизации, являющимися условиями открытого противостояния.

Культурные различия не приводят к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки социокультурной интеграции и диалога; однако когда различия политизируются и интерпретируются как угрозы “групповой безопасности” — возникают конфликты идентичностей. Такие конфликты затрагивают экзистенциально значимые коллективные ценности, поэтому участники эмоционально вовлечены в них; в силу эмоциональной заряженности конфликты идентичностей перестают быть средством преодоления фрустраций и становятся деструктивной самоцелью: дезинтеграция, реполитизация этничности, интолерантность и негативные этнические стереотипы в восприятии “других” играют ключевую роль в инициации конфликтов идентичностей.

110 В полиэтнических российских регионах структурными условиями эскалации этнической напряженности, ее перерастания в трудноразрешимые, деструктивные конфликты идентичностей являются социальные неравенства, экономическая поляризация, кризис гражданской идентичности. Основным источником конфликтов идентичностей на Северном Кавказе — противоречие между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией.

В северокавказском социуме стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении этнических различий, но на принципах политического участия, ценностной консолидации, социальной инклюзии, равенства возможностей, кросскультурного взаимодействия и гражданской солидарности. При обсуждении антиконфликтных механизмов политики социокультурной интеграции на Северном Кавказе необходимо учитывать следующее: во-первых, интеграция — макрополитический проект, содержание которого в значительной степени определяется проблемами обеспечения региональной и национальной безопасности России; во-вторых, развитие северокавказского макрорегиона после окончания вооруженных конфликтов показывает недопустимость ориентации на изоляционизм и автаркию этнических систем в рамках единого политического пространства.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Выводы относительно создания универсальной теоретической модели политики социокультурной интеграции могут быть преждевременными, тем не менее, необходимо дополнить существующие концептуальные подходы:

1) политика интеграция должна быть системной, многофакторной, многомерной, принимать во внимание роль политических, экономических,

социальных, этнических, культурных факторов в содействии консолидации, солидарности, сплоченности и инклюзии;

2) следует учитывать социокультурный контекст политики интеграции в рамках регионального сообщества, чтобы гарантировать управляемость и эффективность интеграционных мер;

3) интеграция – структурно-преобразующий процесс, обеспечивающий позитивные результаты политических, социальных и культурных изменений.

Проведенный анализ позволяет эксплицировать базовые детерминанты ценностно-инклюзивной модели социокультурной интеграции:

1) чем выше степень интеграции и солидарности в обществе, тем более высокой будет эффективность государства в таких областях, как образование, медицинское страхование, социальные программы;

2) чем выше степень сплоченности и солидарности, тем более строгими будут соблюдение социальных норм, требования социальной лояльности, эффективность таких гражданских институтов и демократических ценностей, как социальное доверие, моральная ответственность, политическая консолидация, права человека, уважение к закону, толерантность, компромисс;

3) социальные институции, основанные на инклюзивных гражданских ценностях, делают групповое сотрудничество рефлексивным, рациональным, политически и этически необходимым;

4) более высокий уровень политического участия повышает уровень ценностной консолидации, что не только способствует интеграции, но и увеличивает социальный капитал.

Политика социокультурной интеграции стремится к формированию оптимальных условий для гармоничного и бесконфликтного взаимодействия структурных элементов социально-политической системы, баланса между социальными и этническими группами. Интеграционная политика формирует институциональные, нормативные, социетальные и антиконфликтные формы социальных интеракций: культурные группы интегрируются, чтобы избежать деструктивных конфликтов и нарушения целостности системы, и тем самым содействуют макро-социальной стабильности, политической консолидации, плюрализму, культурному диалогу, этническому консенсусу, “органической” солидарности.

Алмонд Г., Верба С. 2014. *Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах*. М.: Мысль. 500 с.

Гаман-Голутвина О.В. 2013. Политика регионов как перманентная турбулентность. Крулый стол журнала “Полис”, ИС РАН и РАПН. Региональные политические процессы: насколько “субъектны” субъекты РФ. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 60–62. Доступ: <http://www.politstudies.ru/files/File/2013/5/6.pdf> (проверено 17.12.2016).

Мартъянов В.С. 2014. Глобальный Модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России. – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 83–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2014.01.06>

Перегудов С.П. 2011. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 141–163. Доступ: <http://www.politstudies.ru/files/File/2011/3/12.pdf> (проверено 17.12.2016).

Рязанцев С.В. 2014. О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России. — *Социологические исследования*. № 9. С. 25-29. Доступ: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_9/25-29_Ryazantsev.pdf (проверено 12.12.2016).

Семенов И.С. 2013. Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей. — *Россия реформирующаяся. Ежегодник*. Вып. 12. Москва: Новый хронограф. С. 111-131.

Фреде де Э. 2012. Культура, цивилизация и идентичность. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 17-23. Доступ: <http://www.politstudies.ru/files/File/2012/5/3.pdf> (проверено 12.12.2016).

Хабермас Ю. 2010. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном Мир-Обществе. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 7-21. Доступ: <http://www.politstudies.ru/files/File/2010/2/2.pdf> (проверено 12.12.2016).

Хантингтон С. 2004. *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. Москва: ООО "Издательство АСТ". 635 с.

Bernard P. 1999. *Social Cohesion: A Critique*. Ottawa: Strategic Research and Analysis Directorate, Department of Canadian Heritage and Canadian Policy Research Networks. 26 p.

Blagojevic B. 2009. Causes of Ethnic Conflict: a Conceptual Framework. — *Journal of Global Change and Governance*. Vol. 3. No. 1. P. 1-25. URL: <https://peaceprognosis.files.wordpress.com/2014/01/causesofethnicconflict.pdf> (accessed 12.12.2016).

Chapman J. 2002. *System Failure: Why Governments Must Learn to Think Differently*. L.: Demos. 324 p.

Esteban J., Mayoral L., Ray D. 2012. Ethnicity and Conflict: Theory and Facts. — *Science*. Vol. 336. No. 6083. P. 858-865. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1222240>

Fearon J.D., Laitin D.D. 1996. Explaining Interethnic Cooperation. — *The American Political Science Review*. Vol. 90. No. 4. P. 715-735. DOI: <https://doi.org/10.2307/2945838>

Fennema M., Tillie J. 1999. Political Participation and Political Trust in Amsterdam: Civic Communities Ethnic Networks. — *Journal of Ethnic and Migration Studies*. No. 25. P. 703-726.

Jenson J. 1998. *Mapping Social Cohesion: The State of Canadian Research*. Ottawa: Strategic Research and Analysis Directorate, Department of Canadian Heritage and Canadian Policy Research Networks. 49 p. URL: http://cprn.org/documents/15723_en.pdf (accessed: 12.12.2016).

Horowitz D.L. 2001. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press. 715 p.

Kivisto P., Faist T. 2010. *Beyond A Border: The Causes and Consequences of Contemporary Immigration*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press. 350 p.

Kymlicka W. 2007. *Multicultural Odysseys: Navigating the New International Politics of Diversity*. Oxford: Oxford University Press. 386 p.

Levitt P., Jaworsky N.B. 2007. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends. — *Annual Review Sociology*. No. 33. P. 129-156. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.33.040406.131816>

Lockwood D. 1956. Some Remarks on "The Social System". — *The British Journal of Sociology*. Vol. 7. No. 2. P. 134-146. DOI: <https://doi.org/10.2307/587854>

Martiniello M. 2005. Political Participation, Mobilization and Representation of Immigrants and Their Offspring in Europe. — *Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations, School of International Migration and Ethnic Relations*. Malmö: Malmö University. No. 1/05. P. 1-23.

Morales L., Morariu M. 2011. Is 'Home' a Distraction? The Role of Migrants' Transnational Practices in Their Political Integration into Receiving-Country Politics. – *Social Capital, Political Participation and Migration in Europe: Marking Multicultural Democracy Work?* Ed. by L. Morales, M. Guigni. L.: Palgrave Macmillan. P. 140-171.

Morawska E. 2003. Disciplinary Agendas and Analytic Strategies on Immigrant Transnationalism: Challenges of Interdisciplinary Knowledge. – *International Migration Review*. Vol. 37. No. 3. P. 611-640. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00152.x>

Paris R. 2004. *At War's End: Building Peace After Civil Conflict*. N.Y.: Cambridge University Press. 304 p.

Portes A., Rumbaut R.G. 2006. *Immigrant America. A Portrait*. Berkeley: University of California Press. 450 p.

Rex J. 1995. Multiculturalism in Europe and North America. – *Nations and Nationalism*. Vol. 1. No. 2. P. 243-259. URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2006/SOC766/um/John_Rex_on_Multiculturalism.pdf (accessed 12.12.2016).

Rothman J. 1997. *Resolving Identity-Based Conflict: In Nations, Organizations, and Communities*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers. 270 p.

Rothman J., Alberstein M. 2013. Individuals, Groups and Intergroups: Understanding the Role of Identity in Conflict and Its Creative Engagement. – *Ohio State Journal on Dispute Resolution*. Vol. 28. No. 3. P. 631-657. URL: https://kb.osu.edu/dspace/bitstream/handle/1811/77275/OSJDR_V28N3_631.pdf?sequence=1 (accessed 12.12.2016).

Stone M., Destremes H., Foote J., Jeannotte M.S. 2007. *Immigration and Cultural Citizenship: Responsibilities, Rights and Indicators*. Montreal: McGill-Queen's University Press. 339 p.

Tillie J., Slijper B. 2006. Immigrant Political Integration and Ethnic Civic Communities in Amsterdam. – *Identities, Affiliations, and Allegiances*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 72-99.

Vermeulen H., Slijper B. 2002. Multiculturalism and Culturalism. A Social Scientific Critique of the Political Philosophy of Multiculturalism. – *Nationalism, Regional Multiculturalism and Democracy*. No. 2. P. 7-42.

Zapata-Barrero R., Gropas R. 2012. Active Immigrants in Multicultural Contexts: Democratic Challenges in Europe. – *European Multiculturalisms: Cultural, Religious and Ethnic Challenges*. Ed. by A. Triandafyllidou, T. Modood, N. Meer. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 167-191.

DOI: [10.17976/jpps/2017.01.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.09)

SOCIOCULTURAL INTEGRATION POLICY: MAJOR THEORETICAL PERSPECTIVES

M.E. Popov¹

¹North Caucasus Federal University. Stavropol, Russia

POPOV Maxim Evgenievich, Dr. Sci. (Philos.), Professor of Department of Social Philosophy and Ethnology, North Caucasus Federal University. Email: maximus.popov@gmail.com

Popov M.E. Sociocultural Integration Policy: Major Theoretical Perspectives. – *Polis. Political Studies*. 2017. No. 1. P. 99-115. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2017.01.09>

This article was prepared within the project "Social and cultural integration as a way to reduce ethnic tensions in the North Caucasus", President Grant MD-7429.2015.6

Received: 17.06.2016. Accepted: 16.10.2016

Abstract. This paper is devoted to research of the key theoretical approaches to analysis of sociocultural integration policy as a tool for resolving regional conflicts. It explores the theoretical tradition of the integration analysis, related to the conceptual confrontation of theories of ethnic conflict, identity-based conflict and citizenship, multiculturalism, neo-functionalism, normative conceptions of political integration. The contradiction lies in the interpretation of integration as a means of de-escalation of ethno-regional conflicts in pluralistic societies. Conflict theory is based on the analysis of conflict nature of ethnicity; multiculturalists come from the normativity of cultural pluralism and ethnic identity; neo-functionalists, citizenship theorists and political integration researchers interpret the status of ethnic groups from the standpoint of equality of opportunity and institutional imperative of sociocultural integration. Conflict resolution theory focuses on the ability of the sociocultural integration policy in the transformation of destructive identity-based conflicts into conflicts of interests. The author considers the systemic factors of regional conflicts and emphasizes destabilizing role of re-politicization of ethnicity in the North Caucasus. Contradictions between the systemic modernization and social disintegration are the primary source of identity-based conflicts. Structurally, escalation of violence in regional conflicts is determined by the intensity and scope of ethnic mobilization and social dissatisfaction. Integration policy has fundamental goals of ensuring regional safety and overcoming ethnic contradictions in their most destructive form of identity-based conflicts. Sociocultural integration policy must serve as a conflict-preventive tool, i.e. a pro-active action on the conflict environment by way of structural solutions to regional problems, transformation and rationalization of ethnic contradictions.

Keywords: sociocultural integration; integration policy; regional conflict; ethnic conflict; identity-based conflict; conflict theory; citizenship; multiculturalism; neo-functionalism; political integration.

References

Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. (Russ. ed.: Almond G., Verba S. *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh*. Moscow: Mysl'. 2014. 500 p.)

Bernard P. *Social Cohesion: A Critique*. Ottawa: Strategic Research and Analysis Directorate, Department of Canadian Heritage and Canadian Policy Research Networks. 1999. 26 p.

Blagojevic B. Causes of Ethnic Conflict: a Conceptual Framework. — *Journal of Global Change and Governance*. 2009. Vol. 3. No. 1. P. 1-25. URL: <https://peaceprognosis.files.wordpress.com/2014/01/causesofethnicconflict.pdf> (accessed 12.12.2016).

Chapman J. *System Failure: Why Governments Must Learn to Think Differently*. London: Demos. 2002. 324 p.

Esteban J., Mayoral L., Ray D. Ethnicity and Conflict: Theory and Facts. — *Science*. 2012. Vol. 336. No. 6083. P. 858-865. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1222240>

Fearon J.D., Laitin D.D. Explaining Interethnic Cooperation. — *The American Political Science Review*. 1996. Vol. 90. No. 4. P. 715-735. DOI: <https://doi.org/10.2307/2945838>

Fennema M., Tillie J. Political Participation and Political Trust in Amsterdam: Civic Communities Ethnic Networks. — *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 1999. No. 25. P. 703-726.

De Vreede E. Culture, Civilization and Identity. — *Polis. Political Studies*. 2012. No. 5. P. 17-23. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2012/5/3.pdf> (accessed 12.12.2016).

Gaman-Golutvina O.V. Regional Politics as a Permanent Turbulence. Round Table of the "Polis" Journal. Regional Political Processes: How "Subjective" Are Subjects of the Russian Federation. — *Polis. Political Studies*. 2013. No. 5. P. 59-76. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2013/5/6.pdf> (accessed 17.12.2016).

Jenson J. *Mapping Social Cohesion: The State of Canadian Research*. Ottawa: Strategic Research and Analysis Directorate, Department of Canadian Heritage and Canadian Policy Research Networks. 1998. 49 p. URL: http://cprn.org/documents/15723_en.pdf (accessed 12.12.2016)

Habermas J. Religion, Law and Politics. On Political Justice in a Multicultural World-Society. — *Polis. Political Studies*. 2010. No. 2. P. 7-21. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2010/2/2.pdf> (accessed 12.12.2016).

Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press. 2001. 715 p.

Huntington S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. (Russ. ed.: Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noi identichnosti*. Moscow: AST Publisher. 2004. 635 p.)

Kivisto P., Faist T. *Beyond A Border: The Causes and Consequences of Contemporary Immigration*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press. 2010. 350 p.

Kymlicka W. *Multicultural Odysseys: Navigating the New International Politics of Diversity*. Oxford: Oxford University Press. 2007. 386 p.

Levitt P., Jaworsky N.B. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends. — *Annual Review Sociology*. 2007. No. 33. P. 129-156. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.33.040406.131816>

Lockwood D. Some Remarks on "The Social System". — *The British Journal of Sociology*. 1956. Vol. 7. No. 2. P. 134-146. DOI: <https://doi.org/10.2307/587854>

Martiniello M. Political Participation, Mobilization and Representation of Immigrants and Their Offspring in Europe. — *Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations, School of International Migration and Ethnic Relations*. Malmö: Malmö University. 2005. No. 1/05. P. 1-23.

Martyanov V.S. Global Modern, Post-materialist Values and Peripheral Capitalism in Russia. — *Polis. Political Studies*. 2014. No. 1. P. 83-98. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2014.01.06> (In Russ.)

Morales L., Morariu M. Is 'Home' a Distraction? The Role of Migrants' Transnational Practices in Their Political Integration into Receiving-Country Politics. — *Social Capital, Political Participation and Migration in Europe: Marking Multicultural Democracy Work?* Ed. by L. Morales, M. Guigni. L.: Palgrave Macmillan. 2011. P. 140-171.

Morawska E. Disciplinary Agendas and Analytic Strategies on Immigrant Transnationalism: Challenges of Interdisciplinary Knowledge. — *International Migration Review*. 2003. Vol. 37. No. 3. P. 611-640. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00152.x>

Paris R. *At War's End: Building Peace After Civil Conflict*. N.Y.: Cambridge University Press. 2004. 304 p.

Peregudov S.P. National-state Identity and the Problems of the Russian State's Consolidation. — *Polis. Political Studies*. 2011. No. 3. P. 141-163. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2011/3/12.pdf> (accessed 17.12.2016).

Portes A., Rumbaut R.G. *Immigrant America. A Portrait*. Berkeley: University of California Press. 2006. 450 p.

Rex J. Multiculturalism in Europe and North America. — *Nations and Nationalism*. 1995. Vol. 1. No. 2. P. 243-259. URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2006/SOC766/um/John_Rex_on_Multiculturalism.pdf (accessed 12.12.2016).

Rothman J. *Resolving Identity-Based Conflict: In Nations, Organizations, and Communities*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers. 1997. 270 p.

Rothman J., Alberstein M. Individuals, Groups and Intergroups: Understanding the Role of Identity in Conflict and Its Creative Engagement. — *Ohio State Journal on Dispute Resolution*. 2013. Vol. 28. No. 3. P. 631-657. URL: https://kb.osu.edu/dspace/bitstream/handle/1811/77275/OSJDR_V28N3_631.pdf?sequence=1 (accessed 12.12.2016)

Ryazantsev S.V. On Linguistic Migrant Integration as New Perspective of Russian Migrant Policy. — *Socis. Sociological Studies*. 2014. No. 9. P. 25-29. (In Russ.) URL: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_9/25-29_Ryazantsev.pdf (accessed 12.12.2016).

Semenenko I.S. Sociocultural Modernization and Identity Conflict. — *Reforming Russia*. Yearbook. No. 12. Moscow: Noviy Hronograf Publishing. P. 111-131. (In Russ.)

Stone M., Destremes H., Foote J., Jeannotte M.S. *Immigration and Cultural Citizenship: Responsibilities, Rights and Indicators*. Montreal: McGill-Queen's University Press. 2007. 339 p.

Tillie J., Slijper B. Immigrant Political Integration and Ethnic Civic Communities in Amsterdam. — *Identities, Affiliations, and Allegiances*. Cambridge: Cambridge University Press. 2006. P. 72-99.

Vermeulen H., Slijper B. Multiculturalism and Culturalism. A Social Scientific Critique of the Political Philosophy of Multiculturalism. — *Nationalism, Regional Multiculturalism and Democracy*. Center for European Integration Studies. 2002. No. 2. P. 7-42.

Zapata-Barrero R., Gropas R. Active Immigrants in Multicultural Contexts: Democratic Challenges in Europe. — *European Multiculturalisms: Cultural, Religious and Ethnic Challenges*. Ed. by A. Triandafyllidou, T. Modood, N. Meer. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2012. P. 167-191.